

УДК 101

В.А. Тер-Аракельяни

кандидат богословия,

кандидат философских наук,

протоиерей Ростовской Епархии РПЦ

Ростов-на-Дону, Россия

redaction-el@mail.ru

ЭПИКУРЕИЗМ ЦЕЛЬСА И ОРИГЕН

[*Ter-Arakelyants V.A. Epicureanism Celsus and Origen*]

Celsus and Origen open up a new direction in the history of the controversy between Epicureanism and Christianity. The central idea of this controversy is the claim that Christianity is nothing new, except for the doctrine of the incarnation of the Son of God and the resurrection of the body - the doctrine that, in terms of Epicurean unacceptable. In the face of Celsus, Christianity became the object of attention and criticism from the Roman philosophy. In apology for Origen of Alexandria was a clash between Christianity and epicurean syncretism fading Roman culture represented Celsius.

Key words: Epicureanism, Christianity, Providence, soul, demons, good, evil, hedonism, virtue, vice, moral.

Цельс и Ориген открывают новое направление в истории полемики между эпикуреизмом и христианством. Без сомнения, Цельс, это один из самых основательных и непримиримых противников христианства. Его трактат «Истинное слово» не сохранился до наших дней, однако в книге Оригена он достаточно полно воспроизводится благодаря множеству цитирований. Цельс владеет текстами Ветхого и Нового Завета и к тому же является прекрасным наблюдателем современной ему церковной жизни. Центральной идеей его полемики с христианством является утверждение того, что в христианстве нет ничего нового, кроме учения о воплощении Сына Божьего и воскресения тела – учений, которые, с точки зрения эпикуреизма, неприемлемы. Для Цельса характерно отрицание наивной веры язычников, что выражалось в поклонении идолам. Всего этого он, как и положено эпикурею, не признает. И все же, в своей полемике с христианством он является последовательным и настойчивым апологетом язычества, в частности, как будет показано ниже, эпикуреизма и, если можно так выразиться, апостолом его. От христиан Цельс желает, ни много ни мало, чтобы они свои воззрения как-нибудь согласовали с его эпикурейскими.

В свою очередь трактат "Ориген против Цельса" является научно добро-совестным компендиумом фактов, свидетельствующих о борьбе уходящего язычества с еще непризнанным, но уже набирающим силу христианством. Как известно, зарождение и первоначальное оформление христианства происходило в контексте иудаизма, но с середины II века уже можно говорить о параллельном существовании и непосредственном взаимодействии языческого и христианского космосов. Так мы видим, что в лице Цельса христианство стало объектом внимания и критики со стороны римской философии. В апологии Оригена произошло столкновение александрийского христианства с синкретизмом угасающей римской культуры, представленной Цельсом. Это был спор христианства с античной ученостью и многознанием. В апологии даются два полярных мировоззрения, две традиции и культуры, но помимо этого объектом дискуссии и разнонаправленного анализа стал второй оппонент христианства – иудаизм, от имени и под флагом которого Цельс также вел наступление на христианство, акцентируя не преемственность, а враждебность двух этих религий [2].

Время написания «Истинного слова» относят к царствованию Марка Аврелия (161-180 гг.), когда усилились гонения на христиан, а именно к 177-178 гг., ведь в эти годы, согласно Евсевию (V, 5), происходили гонения против Лионской церкви [2]. Вопрос о том, был ли Цельс на самом деле эпикурейцем, платоником или кем то еще, открыт. Целлер причисляет Цельса к группе представителей неоплатонической школы, и анализ его «Истинного слова» показывает, что многие из идей этой школы усвоены им [5, с.148]. Философский эклектизм Цельса позволил Оригену выставлять своего противника как одновременно эпикурейца и платоника, а иногда и стоика. Действительно, Цельс появляется в своей книге в разных ролях: то он эпикуреец, то платоник, то эклектик цицероновского толка, то иудей, то морализирующий арбитр истины и нравственности, то строгий обвинитель и разоблачитель злоумышленников и искажителей истины. Он, то вещает от имени высшей культуры, осуждающий невежество и варварство, то выступает как беспристрастный исследователь нового общественного культурного феномена, пытаясь найти ему место (разумеется, в смягченном, стерилизованном варианте) в системе современных ему понятий и общественной жизни. Такой характер противника позволил Оригену создать апологию, в которой отразилась во всей широте апологетическая

деятельность древней церкви не только по содержанию, но и по методу. Переводчик Оригена на русский язык Л. Писарев отмечает, что в свою апологетику Ориген привнес и специфические черты своего богословского метода, отражающего общие тенденции александрийского богословия.

Несмотря на все эти мнения, необходимо все-таки признать тот факт, что Ориген почти везде называет Цельса последователем Эпикура. Об этом же пишет в «Церковной истории» Евсевий Панфил: «Тогда, как и следовало, вера умножилась, наше учение можно было свободно проповедовать всем; Оригену было уже за шестьдесят, у него накопился огромный опыт, и свои беседы, обращенные к народу, он прямо диктовал скорописцам, чего раньше никогда себе не позволял. В это время он составил в восьми книгах возражения эпикурейцу Цельсу, написавшему против нас сочинение под заглавием "Слово истины", двадцать пять томов Толкования на Евангелие от Матфея, а также Толкования на двенадцать пророков, из которых мы нашли только двадцать пять [3, Ibid, 6.36]. Но, все-таки: был ли Цельс истинным эпикурейцем? Вопрос этот возникает не случайно. Ведь его теория демонов заимствована из неоплатонизма. В своем учении о животных он имеет предшественника в Плутархе. Вместе с перипатетиками и неопифагорейцами он разделяет учение о вечности мира, но этому не противоречит и то, что вместе с Платоном он принимал периодические опустошения земли посредством пожаров и наводнений [5, с.372-373], но самое удивительное – это то, что Цельс не отрицал Провидения. Более того, он распространял его пределы на весь мир, а не исключительно только на одних людей [5, с.338]. И все же, свидетельство Оригена о Цельсе как эпикурейце, на наш взгляд, справедливо – он более эпикуреец, нежели кто бы то ни было еще. Попробуем это мнение доказать.

Именно Цельс говорит, что человеку, придерживающемуся учения, не следует притворно отмежевываться от него или делаться его отрицателем [5, кн.10]. Ориген по этому поводу замечает: «В обличение Цельса нужно сказать, что он, говоря так, впадает в противоречие с самим же собой». Из других его произведений [4, кн.10] видно, что он, собственно, эпикуреец. И только потому, что возражения, которые он делает против нашего учения, не могут быть убедительными, если он будет выставлять напоказ свой эпикуреизм, он и поступает так, что допускает существование в человеке (начала) родственного Богу – начала более высшего сравнительно с началом земным. Он говорит: «Те, у кого

это (начала), то есть душа, находится в хорошем состоянии, направляют все свои стремления и пожелания к сродному с ними, – разумеет в данном случае Бога, – и горят сильным желанием всегда слушать и вспоминать что-нибудь о Нем». Обрати же внимание, как кривит он душой. Раньше он сказал, что кто придерживается хорошего учения, тот, даже если ему предстоит из-за него подвергнуться опасности от людей, не должен отклоняться от учения или притворно отмежевываться от него, или же делаться его отрицателем. Но он сам же и поступает наперекор всем этим (положениям). Он чувствует, что ему со своими воззрениями на христианство не снискать доверия у тех, кто допускает нечто вроде Провидения (προνοίαν) и Божественного мироправления, коль скоро он открыто заявит себя эпикурейцем» [4, кн.10]. Оригену неоднократно приходится возвращаться к проблеме неискренности у Цельса и, в частности, его веры в Провидение. Так, он пишет: «...Некоторые, взирая на участь злых и рачительных людей на земле, с первого же взгляда колеблются в вере в Промысел и уж очень поспешно приходят к тому заключению, что нет, собственно, никакого Промысла и склоняются к учению Эпикура и Цельса» [4, кн.10].

Удивительным образом, но Священное Писание Ветхого Завета воспринималось Цельсом с таким же недоверием, как и последователями Эпикура. Ориген по этому поводу размышляет: «И если уж Цельс верит египетским религиозным преданиям, то неужели исторические рассказы Моисея, написанные для всех народов, и его законы, данные для них, должны считаться за пустые басни?» [4, кн.20-21] Возражая Цельсу по поводу неприятия им свидетельства Закона Моисеева, Ориген пишет: «Неужели слова Моисея не могут заключать в себя даже аллегорического смысла? Так, по крайней мере, думает Цельс вместе с эпикурейцами» [4, кн.20-21], – заключает Ориген, вновь подчеркивая ту мысль, что Цельс – последователь Эпикура.

Критикуя христианское учение о бессмертии души, Цельс так же стоит на позициях эпикуреизма. По этому поводу Ориген пишет: «Исходя, по-видимому, из предположения, что образ мертвеца может представляться в душе настолько живо, что она оказывается в состоянии считать этого мертвеца живым, Цельс со своей эпикурейской точки зрения делает еще такое добавление к своей речи: «Может быть, кто-нибудь получил расположение к сновидению и, находясь под увлечением пустой мечтой, вообразил себе в душе то, чего желал и затем рассказал об этом другим, а это, – говорит он, – случается с

очень многими». Цельс думает, что в данном случае он предлагает нечто глубокомысленное, на самом же деле доказывает, собственно, необходимость учения, что душа умерших продолжает жить... Что касается Цельса, то он не согласен признать это мнение и не придает ему значения» [4, кн.40].

Ориген постоянно подчеркивает то что у него нет никаких оснований, чтобы не верить в не эпикуреизм Цельса. Так, в отношении демонологии, которую преподает Цельс, в перечислении чудес, совершаемых языческими героями, Ориген задается вопросом: «Существует ли в упомянутых местах демон или полубог, или хотя бы бог, но такой, который совершил бы известные деяния, превосходящие силу человека? Ведь если он не желает видеть в них никакой сверхмировой сущности – ни демона, ни божества, то пусть, по крайней мере, он не скрывает дальше своего убеждения, но свободно и открыто признается, что он – эпикуреец, мыслящий не так, как прочие греки, что он не признает демонов и не чтит, подобно грекам, богов, – тогда обнаружится, по крайней мере, что он напрасно преподнес нам все сказанное раньше, – что принимал он за истину, – напрасно будет предлагать и то, что следует дальше» [4, кн.3. 35].

В другом месте, изобличая мнение Цельса в отношении образования, заключающегося в истинном богопознании, Ориген пишет: «Обладание истинной ученостью, конечно, не есть зло, ведь образование приводит к добродетели. Но еще вопрос, причислять ли к образованным людям тех, которые держатся превратных учений, чего не будут оспаривать даже греческие философы. И, наоборот, кто не согласится, что хорошо питать свой дух благородными идеями? Но какие идеи мы будем считать благородными и прекрасными, как не те, которые составляют выражение истины и побуждают нас к добродетели? Да, хорошо быть разумным, но не казаться только им, хотя Цельс и утверждает, это последнее мнение. Собственно, знание не служит препятствием к познанию Бога: учение, благородные идеи, разумность даже ведут к нему. И говорить так мы имеем гораздо больше права, чем Цельс, в особенности, если иметь в виду, что в его лице мы изобличаем эпикурейца» [4, кн.49]. Этим последним замечанием Ориген хотел подчеркнуть ту мысль, что эпикуреизм в греко-римском мире мало походил на учение истины, ведущее к богопознанию. Вот почему в своей апологии Ориген постоянно выражает намерение, посредством христианской критики вычленив и опровергнуть и все то что является эпикурейским в произведении Цельса [4, кн.49]. «Если уж

мы отвлекаем (своих последователей от эпикурейской философии и, так сказать, от эпикурейских врачей, врачующих согласно философии Эпикура всех, кого они вводят в заблуждение, то не поступаем ли мы таким образом в высшей степени благоразумно? Ведь мы освобождаем людей от ужасной болезни, в которую ввергаются они врачами Цельса, отвергающими Провидение и измышляющими свое учение о том, что удовольствие есть благо» [4, кн.49].

Продолжая аналогию между учением и врачеванием, Ориген поясняет свою позицию в таких словах: «Ни по отношению к незрелым людям, ни по отношению к необразованным простецам мы не поступаем так, чтобы им говорить: «Избегайте врачей!» Мы не говорим также: «Остерегайтесь того, как бы кто-нибудь из вас не получил научного образования!» Не свойственно нам учить также и тому, что знание есть зло; не настолько мы безумны, чтобы иметь и такое мнение, что «знание, которым обладает человек, причиняет вред его душевному здоровью», или утверждать то положение, что «мудрость ведет к гибели». И когда мы учим, то не говорим также: «Прилепляйтесь ко мне», а призываем: «Держитесь твердо Бога всяческих и Иисуса, сообщившего нам знание о Боге. Никто из нас не заражен таким высокомерием, чтобы говорить своему ученику то, что Цельс влагает в уста нашего учителя: «Только во мне одном вы обретете свое спасение». Итак, посмотри, сколько лжи и неправды наговорил Цельс по нашему адресу. Мы вовсе и не думали утверждать, что истинные врачи губят тех, которым они обещают исцеление» [4, кн.75].

Мнение о бессмертии души, высказанное Цельсом, Ориген также подвергает сомнению, впрочем, как и прежние утверждения своего оппонента. Основано это сомнение на его глубоком убеждении в эпикуреизме Цельса. При этом он предлагает своему оппоненту ответить на главный вопрос – о его мировоззрении. «Пусть он (Цельс, В.Т.) сделает нам, по крайней мере одолжение и вступит в борьбу, не скрывая при этом того обстоятельства, к какой же школе он сам принадлежит; пусть он открыто и без обиняков признается, что он – эпикуреец, и опровергнет те совершенно не заслуживающие презрения основания, какими греки и варвары обставляют защиту бессмертия души и ее существования после смерти!» [4, кн.80]. Продолжая выяснение мировоззрения Цельса, Ориген рассуждает: «Пусть он (Цельс, В.Т.) покажет, что все это (рассуждения о бессмертии души, В.Т.) – речи, которые опутывают пустыми надеждами людей, придающих им веру; пусть он докажет,

что, наоборот, взгляды его собственной философии не возбуждают никаких тщетных надежд, но подают надежды только определенные, обоснованные или же не дают совсем никаких надежд, что более всего будет соответствовать его созерцанию, по которому душа погибает тот час же и всецело, по отделении от тела. Со своей стороны, Цельс и эпикурейцы могут не считать тщетными разве только те надежды, которые связываются у них с похотью, – этим высочайшим счастьем, единственным и истинным благом в их глазах, – а также с чувственными наслаждениями: в этом пункте непререкаемый авторитет Эпикура, безусловно, сохраняется» [4, кн.80].

Возвращаясь к теме философской неискренности Цельса, Ориген идет от противного, утверждая: «Если ты (Цельс, В.Т.) признаешь бытие Бога и Провидения, как это можно заключить по твоему же сочинению, то с необходимостью следует, что Бог знает все это» [4, кн.44]. Ориген, как бы становясь на сугубо эпикурейскую точку зрения по этому вопросу, продолжает далее: «Если же Он (Бог – В.Т) знает, то почему же не исправляет? Или, может быть, только мы обязаны указывать причины, почему Он не исправляет дела человеческие, хотя и знает их, а ты, который в своем сочинении не выступаешь всецело как эпикуреец и притворяешься даже верующим в Провидение, однако не берешься отвечать, почему Бог не изменяет ведомые Ему человеческие деяния и не освобождает от несчастья человеческий род силой своей Божественной власти?» [4, кн.44].

Христианское объяснение недоумений эпикурейского философа, по мнению Оригена, в том, что: «Бог во все времена посылает особых мужей с поручением совершать исправление людей, и что эти мужи, благодаря тому, что им дарует Бог, являются среди людей живым примером, влекущим к лучшей жизни» [4, кн.44]. Цельс в своем обличении довольно часто становится на позиции Платона. Так, по вопросу того, что сотворил Бог, он пишет: «Бог ничего смертного не сотворил, и только бессмертные существа составляют Его творение, между тем, как все тленные существа суть уже деяния иных (богов): душа есть произведение Божие, но природа тела – иная, и в данном случае нет никакого различия между телом летучей мыши, червя или лягушки; ведь все они образованы из одинакового вещества, и их тленность одна и та же». В который раз уже Ориген настойчиво выражает сомнение – а так ли действительно думает Цельс? «Мы намерены показать, что Цельс здесь не

высказывает прямо и определенно своих эпикурейских взглядов, или, как это могут сказать, он как будто бы держится даже более здравых воззрений, или, еще вернее, он (Цельс) является эпикурейцем только по имени» [4, кн.54]. Ориген здесь совершенно справедливо недоумеет о причине подобного «разделения труда». «Если бы он (Цельс, В.Т.) подвергнул этот вопрос тщательному исследованию, то он, может быть, признал бы тогда бытие единого Бога, сотворившего каждую из них для определенной цели и служения; или, если бы он пришел даже к этому знанию (высказанному выше, В.Т.), то и тогда он нашел бы, однако, выход, как ему защититься и дать ответ против тех, которые утверждают, что для природы существ телесных безразлично, подвержена ли она тлению или нет, и что не может быть никакой бессмыслицы в признании того учения, что весь мир, состоящий из неподобных частей, есть дело единого строителя, который все многообразные роды вещей расположил так, чтобы они служили на пользу Вселенной» [4, кн.54].

Продолжая развивать то мнение, что истинным мировоззрением Цельса был эпикуреизм, Ориген переходит к исследованию натурфилософских воззрений Цельса. Именно здесь, наиболее явно проявился тот самый эпикурейский след, на который постоянно указывает Ориген. «И замечательно, – пишет он далее, – на первый план Цельс выдвигает мнение, что «гром, молния, дождь отнюдь не произведения Бога», и в этом случае еще яснее становится на сторону эпикурейских взглядов. И только уже затем он продолжает: «Если даже и допустить, что Бог есть виновник всех этих вещей, все равно эти вещи служат средством питания людей не больше того, как они служат так же и для растений, деревьев, трав и колосьев». Причем, как настоящий эпикуреец он добавляет, что эти вещи являются произведением случая и не зависят от Провидения. Если же они при этом служат на пользу столько же растений, деревьев, трав и колосьев, сколько и для нас, то отсюда ясно, что они не суть произведение вообще Провидения, а также и того Провидения, которое о нас заботится не в большей степени сравнительно с деревьями и колосьями. Оба эти предположения явно безбожны; и было бы глупо, если бы мы стали возражать противнику, который нам ставит обвинение в безбожии и при этом сам приводит подобные положения. Из сказанного само собой ясно, кто же, собственно, является безбожником» [4, кн.75].

Как известно Эпикур отрицал всякую возможность магическим путем предсказывать будущее. Он писал, что «сны не имеют божественной природы и вещей силы ... » (Vatic. Gnom. XXIV). Согласно Диогену Лаэртию, в ряде своих сочинений Эпикур утверждал: «Гадания не существует ... » (Dlog. Laert. X, 135). Потому, последнее, в чем, по мнению Оригена, проявляется эпикуреизм Цельса, это его полное отрицание всякой мистики. Оригену глубоко чуждо такое мировоззрение, где нет места отношениям человека с Высшим, поэтому он восклицает: «Но, может быть, Цельс как эпикуреец желает вообще обесценить употребление искусства (магии) и признать его принадлежностью тех шарлатанов, которые пользуются им при своих заклинаниях» [4, кн.86]. Сам Ориген глубоко убежден: «Так называемая магия не во всех отношениях представляет собой пустое занятие, как это думают последователи Эпикура и Аристотеля» [4, кн.24].

Из вышеприведенных мест апологии Оригена очевидно, что ее автор не верит Цельсу как философу-эклектику, зато совершенно очевидно, Ориген убежден в том, что Цельс – эпикуреец. Что же, по мнению христианского писателя заставляет Цельса скрывать свое истинное мировоззрение? Отвечая на этот вопрос, рассмотрим мировоззрение Цельса в той части, где он развивает свое учение о Боге, о демонах, о материи, о природе зла, о человеке в мире, о Провидении.

Учение Цельса о Боге и его существовании в большинстве своих пунктов определяется его предшественниками по эпикурейской школе, и если оно вызывает к себе особый интерес, то лишь потому, что некоторые качественные определения введены им в понятие о Боге лишь в виду полемики с христианством. Всевышний Бог вечен [5, с.136], неизменяем. Он добр, прекрасен и наслаждается блаженством в прекраснейших и несравнимых местах [5, V,44], чужд честолюбия [5, с.278] и гнева. Продолжая далее Цельс утверждает, что Бог ни в каком непосредственном отношении к миру состоять не может [5, с.149]. И вдруг, это можно сказать классическое эпикурейское мнение, он неожиданно дополняет новым учением, в котором Бог управляет миром посредством демонов [5, с.149]. Здесь, в отличие от христианской демонологии, описанной выше, теория демонологии Цельса предполагает роль демонов в прямо противоположном смысле, чем у христиан. Демоны – существа духовные, бессмертные, созданные Богом [5, с. 326], и являются ближайшими Его помощниками

в деле мироправления, определяя все его частности и обеспечивая благополучие человеческого рода. Бог даровал демонам такую необходимую и достаточную власть, что они охраняют в безопасности тех, кто подчиняется их власти и признает их своими господами, а прочих преследуют. Дождь, жара, гром и молния, все плоды земные происходят под их воздействием. И если люди вкушают пищу, пьют вино, наслаждаются фруктами, дышат воздухом и пользуются водой, то это они получают от отдельных демонов, которые уполномочены над каждой отдельной вещью [5, с.240]. Люди, если они хотят рождать детей, пользоваться плодами земли и принимать участие как в удовольствиях, так и в страданиях, неизбежно связанных с этой жизнью, должны уполномоченным и устроителям порядков этой жизни воздавать принадлежащую им честь и исполнять все обязанности жизни, пока не будут исторгнуты из ее уз, чтобы не оказаться неблагодарными в отношении этих властительных духов (демонов), так как это было бы крайне несправедливым, пользуясь всеми этими благодеяниями демонов, им не платить никакой подати [5, с. 271-272].

Итак, следует признать, что свойствам демонов Цельса более всего соответствуют представления о греко-римских богах, а сама его демонология призвана утверждать языческое многобожие. «Кто служит многим богам, тот приносит службу великому Богу и создает для Него нечто приятное» [5, с. 227]. Продолжая говорить о свойствах демонов-богов, надо заметить, что они вполне эпикурейского характера. ...Большая часть этих земных демонов склоняется к чувственным удовольствиям, к крови, дыму, фимиаму (воскурению) и не может делать ничего лучшего, как исцелять тело, предсказывать предстоящую судьбу. Почитать демонов полезно, но совершать это при всяком случае запрещает разум [5, с. 227-280].

В последнем утверждении Цельс сам попадает в руки Оригена слабостью своего учения о демонах, и Ориген, как бы торжествуя, пишет: «Так и враг наш принял божественную истину, что в высшей степени опасно пользоваться искусством демонов; не лучше ли и не безопаснее ли поэтому вместо того, чтобы из любви к телесному опускаться из внимания и забывать высшие истины, обратиться ко всемогущему Богу и Его святым и справедливым ангелам, которым Бог предоставил власть охранять людей от злых демонов? И вот сам Цельс, принужденный истинной свободой (запрещает разуму), признает правило, какое встречается среди ученых, и само по себе прекрасно и превосход-

но» [5, с.218]. Ориген здесь имеет в виду необходимость проверки всех воззрений при помощи критики разума. Характерной чертой оригеновской критики демонологии Цельса является то, что у него (Цельса) демоны – посредники, заместители Бога в деле миротворения, и поэтому причастные обоженной природе, обратились в злых демонов. Это мнение Оригена, очевидно, является отзвуком общего апологетического воззрения на богов как на воплощение или вместилище злых духов [5, с.218].

Не безынтересно суждение Цельса о природе добра и зла. По его мнению, доброму и благову началу бытия и окружающих его демонов противостоит материя, источник зла. «В мире никогда не существовало ни более, ни менее зла, чем теперь; одна и та же природа всего и происхождение зла одно и то же» [5, с. 333]. Зло – необходимое условие существования мира. И даже если жизнь истребится злом, то и тогда нравственная цель зла заключается в том, чтобы люди испытывались злом, и поэтому оно составляет собой нечто необходимое [5, с.333].

Учение Цельса о происхождении в мире зла вызывает возражение Оригена, который указывает на дьявола как на главную причину этого явления [5, с. 271-272]. И, кроме того, критикуя мысль Цельса, что зло происходит из материи, он источником зла называет ум каждого человека, руководящий его личностью, и потому источником греха является свободная воля человека [5, с. 364]. По поводу того мнения, что в мире существует ни более, ни менее зла, следует напомнить, что оно, как и вся этика Эпикура, полностью согласуется с его физикой. Развивая учение о человеке, Цельс утверждал, что душа – от Бога, но тело иной природы, и в этом отношении нет никакой разницы между телом летучей мыши, червяка, лягушки и телом человека, так как одна и та же материя, из которой они произошли [5, с.329] и одинаково подвергнуты тлению и изменчивости, и все происходящее от материи смертно [5, с.331]. «Солнце и ночь должны служить людям», – утверждает Еврипид. Цельс ему возражает: «Почему больше людям, чем муравьям и мухам? И им ночь служит для покоя и день для деятельности» [5, с.377]. «Если человек и воображает, что он потому превосходит всех животных, что знает Бога и Его существо, то он должен научиться, что и многие звери могут похвалиться, и не без основания, таким же искусством... И если бы кто-нибудь взглянул с неба на землю, то нашел ли бы он какое-либо различие между делами человека и действиями пчел и муравьев?» [5, с.355-356].

Ориген посвящает целый ряд отделов своей апологии, чтобы отразить то оскорбительное для человеческого ума воззрение на птиц, какое развил Цельс в своем о них учении. Как известно, Цельс утверждал, что птицы знают Бога лучше, чем люди! «Он делает все, чтобы унижить человека!» – восклицает Ориген [5, с. 225]. «Цельс поступает хуже, чем египтяне, которые поклоняются животным как богам. Он подчиняет весь род человеческий животным» [5, с. 225]. Ориген глубоко взволнован утверждением Цельса о преимуществе животных перед людьми: «Мог ли тот, кто сошел с неба и должен созерцать движения людей и муравьев, не тотчас же заметить, что в одних царствует ум и все управляется посредством ума, у других же, неразумных, ничего не наблюдается, кроме проявлений природного инстинкта, целесообразного устройства его тела и членов?... Но в людях он должен увидеть разум, общий с божественными и небесными существами и с высочайшим Богом. Писание говорит, что человек создан по образу Божию» [5, с. 354]. Теория Цельса о превосходстве животных над человеком вызывает протест, уже хотя бы с точки зрения здравого смысла. Ориген в основу своей полемики против преувеличенного значения животных перед человеком ставит ценность человеческой личности и присущего ей разума. И насколько Цельс хочет принизить человека, настолько Ориген возвышает его.

Следуя порядку изложения «Слова истины», Ориген отвечает на всевозможные возражения Цельса против христианства, носящие общий характер. К примеру, обвинение в том, что христианство – это закрытая секта или тайное общество, «запрещенное законами», по мнению Оригена, звучит особенно неубедительно во время расширяющегося влияния христианства в античном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Богословский Вестник». 1907. Июнь.
2. *Аркадий Ровнер*. Христианство на перекрестке веков: Ориген против Цельса. Библиотека. Тексты III века. Ориген, <http://www.biblicalstudies.ru/Lib/Father3/Origen5.html>
3. *Евсевий Панфил*. Церковная история. Ibid. 6.36. Л. Писарев переводит: "Истинное слово".

4. Ориген. Против Цельса. Апология христианства. Сочинение Оригена, учителя Александрийского / Пер. с греч. Л. Писарева, вводная статья А. Ровнера. М.: Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла, 1996. Цит по URL: <http://www.rulit.net/author/origen/protiv-celsa-get-149344.html>. (дата обращения – 12.04.12.).
5. *Спасский А.А.* Эллинизм и христианство. История литературно-религиозной полемики между эллинизмом и христианством в ранний период христианской истории (150-254). СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2006.
6. *Тер-Аракельянц В.А.* "Октавий" Минуция Феликса против эпикурейца Фронтоня // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 6. <http://hses-online.ru>
7. *Тер-Аракельянц В.А.* Средние века, ереси и лжеименный разум Эпикура // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 1.
8. *Тер-Аракельянц В.А.* Эпикуреизм Лукиана Самосатского и его отношение к христианству // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 6.

REFERENCES

1. "Theological Journal." June 1907.
2. *Arkady Rovner.* At the crossroads of centuries of Christianity: Origen against Celsus. Beebe Library. is Texts III. century Origen, <http://www.biblicalstudies.ru/Lib/Father3/Origen5.html>
3. *Panfil Eusebius,* Ecclesiastical History, Ibid, 6.36. L. Pisarev translates: "The true word."
4. Origen. Against Celsus. Apology of Christianity. The writing of Origen, the Alexandrian teacher. / Translated from the Greek L. Pisarev, the introductory article by A. Rovner. M. : Information and Training Center ecumenical up. Paul, 1996. Quoted by URL: <http://www.rulit.net/author/origen/protiv-celsa-get-149344.html>. (Date of treatment - 12.04.12.).
5. *Spassky A.A.* Ellenizm and Christianity. The history of literary and religious field-omy between ellenizmom and Christianity in the early period of Christian history (150-254). SPb. : "Publisher Oleg Abyshko", 2006.

6. *Ter-Arakelyants V.A.* "Octavius" Minucius Felix against Epicurean Gable // Humanities and Social nauki.2014. № 6. <http://hses-online.ru>
7. *Ter-Arakelyants V.A.* Middle Ages, heresy and lzheimenny mind Epicurus // humanity Tarn and socio-economic sciences. 2015. № 1.
8. *Ter-Arakelyants V.A.* Epicureanism Lucian of Samosata and its relation to Christ anstvu // Humanitarian and socio-economic nauki.2014. N. 6.

17 февраля 2015 г.
